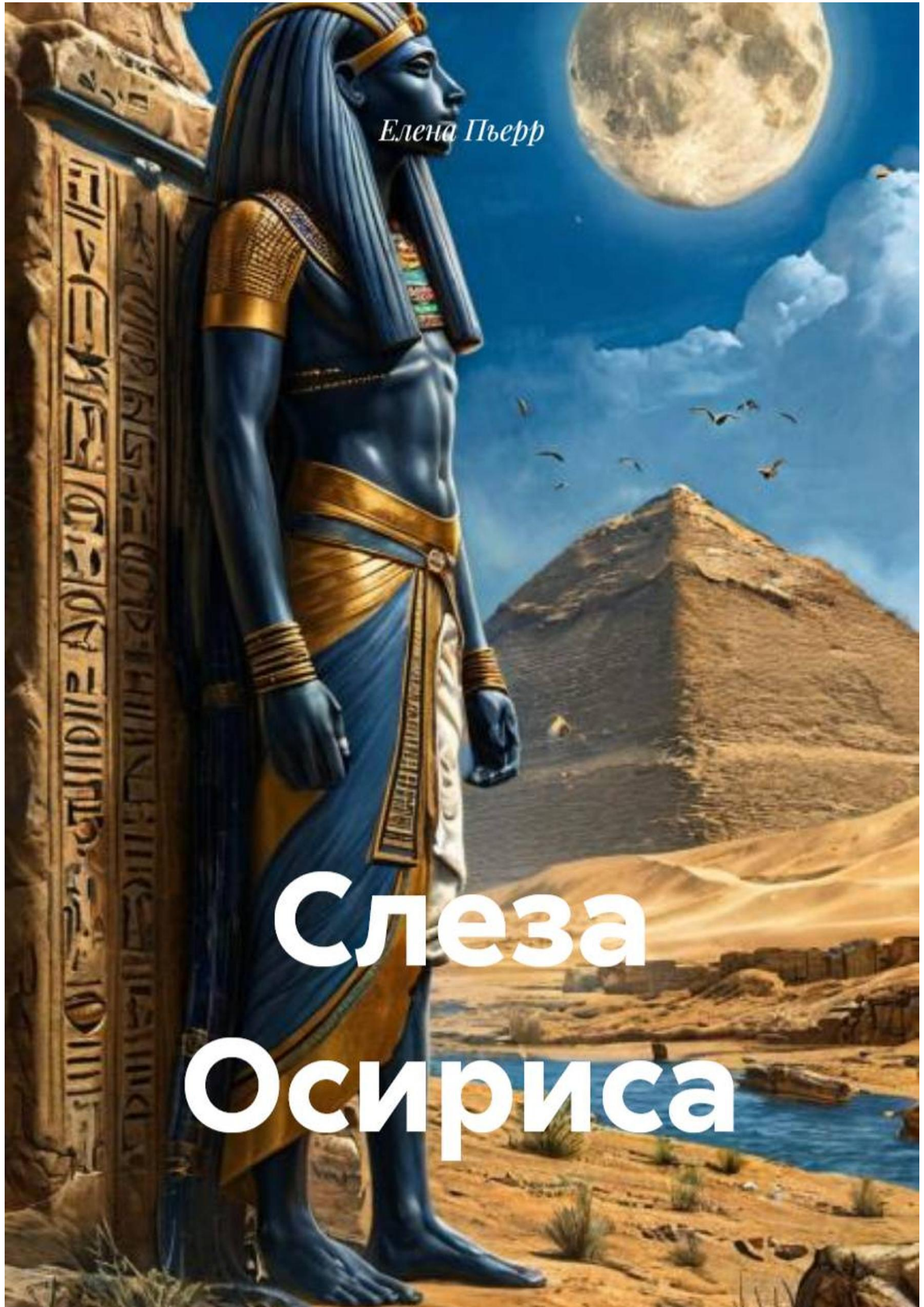

A blue-skinned statue of the Egyptian god Osiris stands in profile, facing right. He has long blue hair and wears a gold headband, a gold collar, and a gold belt. He is dressed in a blue and gold kilt. The statue is positioned in front of a stone wall with hieroglyphs. In the background, a large pyramid rises from the desert sands under a blue sky with a full moon and several birds flying. A small body of water is visible in the distance.

Елена Пьерр

Слеза Осириса

Елена Пьерр
Слеза Осириса

«Автор»

2026

Пьерр Е.

Слеза Осириса / Е. Пьерр — «Автор», 2026

Однажды ночью, когда Нил остановил свой бег, а луна раскололась надвое, из слезы богини Исида, упавшей на губы мёртвого Осириса, родилась та, кому не было места ни среди богов, ни среди людей. Её называли Хенут-Именти — Владычица Запада. Она — тень, ошибка писца, сожаление божественного мира. «Слеза Осириса» — поэтичные и мистические новеллы о любви, забвении, загробном суде и о том, что истинная память не зависит от времени. В духе магического реализма и египетской мифологии.

© Пьерр Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рождённая из слезы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Слеза Осириса

Глава 1. Рождённая из слезы

Я родилась в ту ночь, когда Нил перестал течь, а луна раскололась на две половины — одна упала в Дельту, другая застряла меж рогов Хатора. Мать моя, Исида, сидела на корточках у деревянного сундука, в котором спал мой отец, и плакала так тихо, что даже шакалы Анубиса не слышали её слёз. Но одна слеза сорвалась с её ресниц и упала прямо на посиневшие губы Осириса. И из этой слезы, из молчаливого поцелуя смерти и любви, я шагнула в мир — без крика, без первого вздоха, просто как тень тени.

Мать назвала меня Хенут-Именти — «Владычица Запада», хотя Запад не ждал меня. Запад ждал отца.

Я не плакала в день рождения. Я улыбнулась, и от моей улыбки потускнело золото на посмертной маске Осириса. Исида взяла меня на руки, прижала к груди, где ещё не зажила рана, и прошептала:

— Ты не богиня. Ты — сожаление богов. Живи там, где тебя не увидят.

Она спрятала меня в зарослях папируса, в «Гнезде плача» — там, где когда-то прятала Гора. Но Гор пил молоко, а я пила лунный свет, процеженный сквозь листья. Гор учился сражаться, а я училась молчать.

* * *

Первое, что я запомнила, — это звук собственного отсутствия. Когда я шла по воде, вода не расступалась. Когда я касалась цветка лотоса, он не раскрывался, но и не вял. Я была слишком слабой для благословения и слишком сильной для проклятия. Жрецы, случайно видевшие меня в зарослях, падали ниц, но не от страха — от недоумения. Они не могли понять, кто я. Богиня? Призрак? Ошибка писца, переписавшего «Тексты пирамид» не той тушью?

Только мать знала правду. Она приходила ко мне каждую ночь, превратившись в коршуна, и садилась на верхушку самого высокого папируса. Её тень падала на моё лицо, и в этой тени я видела отца — его профиль, его сломанную корону, его руки, сложенные на груди крест-накрест.

— Ты должна вырасти быстрее, чем Гор, — говорила Исида. — Ему нужны века, чтобы победить Сета. Тебе нужна только одна ночь.

— Какая ночь, мама?

— Ночь, когда ты поймёшь, что твоя сила — не в ударе меча. Твоя сила — в ударе сердца. В том ударе, который пропустили.

Я не поняла тогда. Я была ребёнком, чьи игрушки — черепки каноп, чья колыбель — папирусный плот, уплывающий в никуда.

* * *

Сет нашёл меня на восьмой год моего детства — хотя годы эти текли не как у людей. Один мой день исчислялся десятилетиями смертных; один мой месяц был словно век храма, который строится и рассыпается в песок.

Он пришёл не как бог бури — а как усталый путник, чья обувь полна песка. Красный, как ожог, с глазами, в которых застыло недоумение: зачем он убил брата, если брат всё равно продолжает рождаться в каждой слезе?

— Ты пахнешь им, — сказал Сет, садясь напротив меня на корточки. — Им и ею. И ещё чем-то третьим. Чем-то, чего нет в нашем круге.

— Мной, — ответила я. — Тем, кого не должно было быть.

Он засмеялся, и от его смеха засохли все папирусы в радиусе ста локтей. Но я не испугалась. Я была дочерью мёртвого бога. Что может сделать мне бог живых?

— Ты не боишься меня, девочка? — спросил Сет.

— Ты уже убил моего отца. Меня убить ты не сможешь, потому что я не жила ни одного дня.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, и впервые за тысячелетия в его глазах мелькнула не злоба — а усталость. Он протянул руку и положил мне на ладонь невидимый груз.

— Я дарю тебе молчание моей бури. Когда я буду кричать на запад и восток, когда я разрушу храмы и развею мумий по ветру, ты можешь поднять руку и сказать «тихо». И я замолчу. Не потому, что ты сильнее. А потому, что в тебе есть то, чего нет у меня.

— Что?

— Способность быть тенью и не просить плоти.

Он ушёл так же тихо, как пришёл. И только тогда я поняла, что Сет не враг мне. Сет — моё отражение в разбитом зеркале. Он убил отца, чтобы отец стал вечным. Я родилась из слезы, чтобы стать забвением самого забвения.

В Фивы я пришла под видом немой служанки в доме верховного писца. Никто не знал моего имени. Я мыла полы, подносила кувшины с вином, переписывала сгоревшие свитки — и делала это так, что никто не замечал, как линии на папирусе под моими пальцами начинали светиться в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.